

например, *hinauf* ‘вверх’ – «von hier unten nach [dort] oben» ‘отсюда снизу туда навверх’, *hinein* ‘внутри’ – «aus einem [weiteren] Bereich in diesen anderen [engeren] Bereich, bes. [von draußen] nach [dort] drinnen» ‘из более далекой (широкой) области в эту более узкую область, оттуда снаружи сюда вовнутрь’, *heraus* ‘наружу’ – «von dort drinnen hierher nach draußen» ‘оттуда изнутри сюда наружу’, *herüber* ‘через’ – «von dort drüben hierher» ‘оттуда с той стороны сюда’ [2]. Таким образом, семантика производных наречий наследует семантический компонент соответствующих дейктиков.

Вышеуказанное свидетельствует о том, что в немецком языке дейктические наречия с формантами *hin-* \ *her-* и общей предложной базой наследуют семантические компоненты обоих производных элементов. При этом семантический компонент, унаследованный от дейктика, в паре наречий является антонимичным по своему значению, а компонент, унаследованный от предлога – синонимичным. Однако при переводе на русский язык семантические различия дейктических наречий с одинаковой предложной базой не фиксируются.

Библиографические ссылки

1. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб. : Наука, 1996. 230 с.
2. Duden online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.duden.de> (дата обращения: 25.08.2020).
3. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=DWB (дата обращения: 01.09.2020).
4. Большой немецко-русский словарь = Das grosse deutsch-russische Wörterbuch: ок. 165 000 слов : в 2 т. / сост. Е. И. Лепинг [и др.] ; под рук. О. И. Москальской. М. : Рус. яз., 1980. 2 т.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.09.2020).

ПРОБЛЕМА АВТОРСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ДИСКУРСЕ ГАЗЕТНОЙ СТАТЬИ

О. В. Лапунова

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

e-mail: olga-2980@mail.ru

В статье рассматривается проблема деавторизации в полисубъектном дискурсе газетной статьи. Выявляется функциональный потенциал конструкций деавторизации и авторской репрезентации, служащих ведущим механизмом лингвопрагматического воздействия в дискурсе франкоязычной газетной статьи.

Ключевые слова: полисубъектность; газетный дискурс; авторская репрезентация; деавторизация; цитата; интертекстуальность.

THE PROBLEM OF AUTHOR'S REPRESENTATION IN THE DISCOURSE OF A NEWSPAPER ARTICLE

O. V. Lapunova

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: olga-2980@mail.ru

The article considers the problem of deauthorization in the multisubject discourse of a newspaper article. The functional potential of deauthorization and author representation constructions, which serve as the leading mechanism of linguo-pragmatic influence in the discourse of a French-language newspaper article, is revealed.

Key words: polysubjectivity; newspaper discourse; author's representation; deauthorization, quote, intertextuality.

Дискурсивный механизм множественности говорящего субъекта или полисубъектности призван прежде всего отвечать индивидуальным запросам реципиента (современной читательской аудитории) и создавать более полную панораму событий.

От других информационных жанров газетная статья, прежде всего, отличается ярко выраженным авторским началом: как это ни парадоксально, в центре любой статьи, какому бы важному, драматическому, торжественному и иному событию она ни была посвящена, находится фигура журналиста [1, с. 56–57].

Это означает, что аудитория «видит» событие глазами данного конкретного журналиста. Это значит также, что именно журналист-автор решает, какую часть события описать читателю (все целиком оно никогда не войдет в дискурс газетной статьи). Это значит, что журналист решает, кому из героев дать слово в дискурсе газетной статьи, какую часть сказанного оставить, какими деталями проиллюстрировать происходящее.

Интересным является тот факт, что газетная статья – это феномен, который в силу своей многогранности не может быть изучен до конца, поскольку по своей структуре она аккумулирует все заявленные выше информационные жанры. В газетной статье есть элементы интервью, фотозарисовки, пресс-конференции и т.д.

Неоднозначность комбинирования различных голосов в газетном дискурсе как один из дискурсивных механизмов лингвопрагматического воздействия на мнение реципиента отмечается французскими исследователями, в частности Л. Розье: “...la superposition d'éléments disparates fait s'interroger sur l'origine de ces “éléments” dont la rencontre inattendue provoque un choc esthétique” [2, с. 34].

Говоря о «нагромождении разрозненных элементов» (“la superposition d’éléments disparates”), Л. Розье очевидно имеет ввиду субъективную интерпретацию того или иного события создателем медиатекста посредством комбинирования различных голосов в структуре газетного дискурса с целью оказания воздействия на реципиента, провоцируя у последнего «эстетический шок» (“un choc esthétique”).

Так, например, в дискурсе газетной статьи, посвященной мерам предотвращения птичьего гриппа во Франции, цитируется высказывание французского президента по данной проблеме, одновременно описывается посещение президентом больниц, птицеферм, его беседа с представителями локальных ведомств. Естественно, что полученный таким образом «гипертекст», состоящий не только из рассказа репортера, но и из целого набора других элементов оказывает значительно большее воздействие на получателя информации, чем отдельно взятый комментарий журналиста. Это многоголосие журналист подчиняет реализации своей прагматической задачи [3].

Полисубъектность в газетном дискурсе представлена также ссылками создателя медиатекста на мнение других людей – «цитатами» – что очевидно также является претензией на объективность изложения. Суть цитат состоит в интеллектуальной, эмоционально-оценочной, формальной переработке чужого текста – цитаты, и повторном его использовании в качестве средства номинации по отношению к реальной ситуации.

Цитаты используются журналистом либо для придания общественно-звучания своему голосу, либо для того, чтобы дистанцироваться по отношению к какому-либо суждению, которое он не разделяет. В первом случае включение голоса Другого отвечает потребности читателей в том, чтобы информация, воспринимаемая ими, поддерживалась авторитетным лицом: президентом страны, видными деятелями культуры, искусства, просвещения, поскольку массовая аудитория воспринимает это лицо в качестве статусной персоны, чье мнение стоит иметь в виду многим.

Цитата – самая очевидная интертекстуальная форма в литературе. В художественной речи и публицистике цитата представляет собой стилистический прием употребления готового словесного образования, вошедшего в общелитературный оборот. Широкое использование чужой речи видно из того, что к ней в художественных произведениях относятся реплики и диалоги персонажей, а в научной речи – цитирование других авторов.

Цитата перестает в ключе интертекста играть роль простой дополнительной информации, отсылки к другому тексту. Цитата становится залогом самовозрастания смысла текста.

Некоторые литературоведы ставят вопрос о разграничении понятия цитаты и реминисценции. При их разграничении решающее значение придается категории «точности» цитирования: «собственно цитата» определяется как точное воспроизведение какого-либо фрагмента чужого текста, а реминисценция как не буквальное воспроизведение, невольное или намеренное, чужих структур, слов, которые наводят на воспоминания о другом произведении. В логике этого определения всякая неточная цитата является уже реминисценцией [4].

Итак, проблема деавторизации в дискурсе газетной статьи заключается в том, что создатель медиатекста часто цитирует высказывания известных людей, даже не искажая их, но вкладывает совершенно иной смысл в их слова. Для этого и существуют разнообразные технические новшества. Вырывая из контекста реплики известных людей и «склеивая» их, создавая готовую статью, создатель медиатекста может искусственно создать полемику или дискуссию.

Представленность фрагментарного цитирования в дискурсе газетной статьи объясняется тем, что создатель медиатекста пытается высказать свою точку зрения и, в то же время, объективно изложить информацию:

Un porte-parole de la justice fédérale a indiqué que Lula n'avait pas « désobéi à un ordre judiciaire », soulignant que le mandat de dépôt stipulait que le juge lui avait donné une « opportunité » de se présenter sans être arrêté. – ‘Официальный представитель Федерального суда указал, что Лула «не нарушила судебного постановления», подчеркивая, что постановление о задержании подразумевало, что судья дал подследственному «возможность» предстать перед судом, не будучи арестованным’.

Воспроизводя чужую речь по памяти, создатель медиатекста часто сознательно искажает смысл исходной цитаты в зависимости от своей интенции. В данном случае, он «работает чужой точкой зрения». Его интенция может не проникать или проникать в речь других людей.

В первом случае создатель медиатекста смотрит на чужую речь извне, пересказывает ее, выступая в роли «стилизатора». Во втором случае он также воспроизводит чужую речь, но влагает в нее новую интенцию и акцентирует ее по-своему: с выражением сомнения, возмущения, насмешки, иронии, а иногда и издевательства. Журналист сознательно опускает или добавляет какие-то слова в цитируемое высказывание, тем самым предоставляя читателю возможность неоднозначно трактовать смысл последнего.

Под адресатом в дискурсе газетной статьи понимается весьма разнородная масса людей с разными интересами, информационными вопросами и взглядами. Эти изменения нашли отражение не только в направлен-

ности текста, но и в средствах выражения автора. Для того чтобы передать какую-либо информацию и донести до читателя тот смысл, который в него вкладывает автор, он должен затратить максимум усилий для адекватного восприятия текста адресатом. Такого рода коммуникация между двумя сторонами может осуществляться не только внутри одного текста, но и присоединением к основному авторскому материалу дополняющих его текстов других авторов (документов, сообщений из других СМИ):

«Le rythme même est un message», disent aujourd’hui les journalistes de “Times”. – ‘«Сам ритм является неким посланием извне», говорят сегодня авторы газеты «Таймс»’.

Газета “Times” является тем самым авторитетным источником, на который ссылается автор текста. В данном случае авторство принадлежит не одной, а нескольким личностям, или иногда представляет собой общее мнение какой-либо организации или сообщества.

Создатель медиатекста в дискурсе газетной статьи, как и автор литературного произведения, меняет свою пространственно-временную ориентацию в зависимости от решения прагматической задачи. Находясь в режиме реальной ситуации общения, он переносится в то время, когда происходило описываемое событие, или в те места, где находятся участники события.

И в том, и в другом случае создатель медиатекста создает более узкую «психологическую» ситуацию общения, в которую входит и читатель. Надо отметить, что существует ‘реальный читатель’ (любой человек, который может прочитать конкретную статью) и ‘виртуальный читатель’, включенный журналистом в текст газетной статьи. Присутствие последнего ощущается чисто «физически», когда создатель медиатекста, комментируя то или иное событие, использует форму первого лица множественного числа.

Полисубъектность в дискурсе газетной статьи существует и на уровне отдельного высказывания. Однако в рамках отдельного высказывания «голоса» могут быть настолько тесно переплетены, что определить их авторство довольно сложно. В таких случаях также можно говорить о понятии «деавторизации». О множественности говорящего субъекта, как правило, свидетельствуют временной сдвиг, изменение модального плана, использование повторов, риторические вопросы и другие лингвистические маркеры.

Тот или иной голос лишь имплицитно в структуре лингвистического маркера. Так, отрицая какой-то факт реальной действительности, создатель медиатекста в газетном дискурсе подразумевает, что в мире существует полярное видение обозначенного подхода к данной проблеме.

ме. Риторический вопрос, как известно, задается не от первого лица, и коммуникатор в газетном дискурсе лишь косвенно высказывает свое отношение к предмету сообщения. Голоса реципиента (читателя) не слышно, но он как бы имплицитно встраивается в структуру риторического вопроса.

Таким образом, полисубъектность или иными словами «звучание нескольких голосов» в газетном дискурсе и обновляет инвентарь приемов, которые задействованы в реализации информационной и воздействующей функций газетного дискурса, обновляя и качество этих функций. Эффект деавторизации, подчиняемый реализации определенной прагматической задачи создателя медиатекста, вовлекает читателя в процесс формирования смысла, оценки, то есть субъективной «картины мира».

Информационная функция газетного дискурса заключается в информировании читателей о текущих событиях. Помимо информационной функции, в газетном дискурсе реализуется функция воздействия, которая в зависимости от представляемого события может выходить на передний план. Говорить о соотношении информационной и воздействующей функции в новостном дискурсе чрезвычайно сложно, правильно было бы говорить о взаимодополнении этих функций.

Таким образом, газетный дискурс является полисубъектным и деавторизованным. Диалогичность газетного дискурса – это категория, характеризующая его направленность на адресата (читателя). Кроме того, под диалогичностью газетного текста иногда понимается не только наличие адресата и адресанта, формальное и содержательное единство реплик, но и конститутивный момент – формирование языкового состава высказывания адресанта под влиянием адресата. Газетный дискурс одновременно вступает в диалог и с другими дискурсами. Поэтому автор медиатекста должен учитывать, что при чтении текста каждый читатель интерпретирует слова автора с учётом своего запаса знаний и с учётом исторических изменений.

Автор медиатекста может вести свой рассказ от первого лица, явно передавая свое мнение и отношение к определенной тематике, либо он может делать это скрытно, вуалируя свою субъективность.

Свои мысли автор может выражать как эксплицитно (при помощи единиц введения и оформления прямой, косвенной и несобственно-прямой речи), так и имплицитно (употребляя различные прецедентные феномены, наречия, модальные глаголы и конструкции, союзы). Однако степень влияния автора на текст сообщения и передачи его мнения во многом зависит от тематики и стиля статьи.

Библиографические ссылки

1. Гаврилов К. В. Как делать сюжет новостей и стать медиатором. СПб.: Амфора, 2007. 298 с.

2. Rosier L. Méandres de la circulation du terme polyphonie // Dialogisme, polyphonie: approches linguistiques / Centre culturel intern. de Cerisy-la-Salle ; ed.: J. Bres [et al.]. Paris, 2010. P. 33–46.
3. Фролов М. Е. Телевизионный дискурс информационно-аналитических программ: на материале программ криминально-правовой тематики НТВ : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10. Тверь, 2004. 203 л.
4. Алещанова И. В. Цитация в публицистическом тексте: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.20. Волгоград, 2006. 187 л.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТСУБСТАНТИВНЫХ СУФФИКСАЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С КОМПОНЕНТОМ 'ИНТЕНСИВНОСТЬ ПРИЗНАКА' В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Лю Фанфан

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Казань, Россия

e-mail: dafangkazan@gmail.com

В статье рассматриваются производные прилагательные современного русского языка с общим компонентом значения 'интенсивность признака', образованные с помощью суффиксов -аст и -ат на базе наименований частей тела. На материале Национального корпуса русского языка и Google Books Ngram Viewer проанализированы в сопоставительном аспекте деривационные и функциональные особенности производных этих моделей; охарактеризована их способность к развитию переносно-образных значений; рассмотрено соотношение кодериватов с исследуемыми суффиксами.

Ключевые слова: словообразование; отсубстантивные прилагательные; интенсивность признака; функциональные особенности; переносное значение.

FUNCTIONAL FEATURES OF SUBSTANTIVE SUFFIXAL ADJECTIVES WITH THE COMPONENT 'INTENSITY OF THE FEATURE' IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Liu Fangfang

Kazan Federal University

Kazan, Russia

e-mail: dafangkazan@gmail.com

The article deals with the derivative adjectives of the modern Russian language with a common component of meaning 'the intensity of the feature', which were formed with the suffixes -ast- and -at-. On the material of the Russian National Corpus and Google Books Ngram Viewer, the derivational and functional features of the derivatives of these models are analyzed in a comparative aspect; their ability to develop figurative meanings is characterized; the ratio of the coderivatives with the investigated suffixes is considered.